

ет обратный свет на всё стихотворение, становящееся из пейзажного — любовным.

Здесь, в лесу, поэту открывается тайна его собственной души. Тайна несказанного.

Фет вообще не так часто напрямую говорит о любви, наверное, понимая, что слово не в силах передать главного. Вместо этого он пытается «навеять» его «на душу» — описанием природы, звуком, образом. Но в «лесных» стихотворениях чувство теряет конкретику и формулировку даже и для самого поэта.

Чтобы увидеть это, можно сравнить два стихотворения на схожий сюжет, в одном из которых действие происходит в саду, а в другом — в лесу.

* * *

В темноте, на треножнике ярком
Мать варила черешни вдали...
Мы с тобой отворили калитку
И по тёмной аллее пошли.

Шли мы розно. Прохлада ночная
Широко между нами плыла.
Я боялся, чтоб в помысле смелом
Ты меня упрекнуть не могла.

Как-то странно мы оба молчали
И странней сторонились прочь...
Говорила за нас и дышала
Нам в лицо благовонная ночь.

* * *

Лесом мы шли по тропинке единственной
В поздний и сумрачный час.
Я посмотрел: запад с дрожью таинственной
Гас.

Что-то хотелось сказать на прощание, —
Сердца не понял никто;
Что же сказать про его обмирание?
Что?

Думы ли реют тревожно-несвязные,
Плачет ли сердце в груди, —
Скоро повысыплют звёзды алмазные,
Жди!

В обоих стихотворениях мы видим лирического героя и его возлюбленную, молча идущих рядом в ночной час; выражение чувства «перепоручено» силам природы, ночи, при этом лес оказывается у поэта ничуть не страшнее сада. Чувство и там, и там потаённо и не названо, но в первом стихотворении лирическому герою оно ясно и, хотя поведение героев и названо «странным», поэт находит ему объяснение; а во втором — «сердца не понял никто».

Ритм «садового» стихотворения — плавный и напевный (трёхстопный анапест), «лесного» — отрывистый, неровный, после каждых трёх разностоп-

ных, но всё же ещё сохраняющих плавность дактилических строк срывающийся к односложной четвёртой, словно сердце от волнения ухаёт в груди в тревожно-блаженном замирании. В этой аритмии скрытое переживание доведено до максимума. И если в первом стихотворении на фоне сада сохраняется фабульность, то во втором мы наблюдаем странные скачки смыслов и чувствований, столь же неровные, как и ритм. Стихотворение начинается повествованием в прошедшем времени, но во второй строфе происходит перелом от «что-то хотелось сказать» (в прошлом) к вопросительному «что же сказать» (вообще или в настоящем), а третья, последняя строфа строится на динамике перехода от настоящего с условной конструкцией к будущему («скоро повысыплют») и завершается повелительным наклонением «жди», неизвестно к кому (к героине или к самому себе) обращённым. Грамматически стихотворение оказывается очень богато и так же «тревожно несвязно», как состояние души поэта. Меняются времена, формы, наклонения, и все «гудёт и колышется», как лес.

Нам представляется, что в понимании леса Фет оказывается близок к современным психологам, рассматривающим этот образ как символ бессознательного. В нём зарождается и выкристаллизовывается чувство, в нём находятся истоки творческого начала. Ведь «песня» у Фета также зарождается в его чащах.

Если попросить назвать «лесные» стихотворения, поэта, наверное, мало кто сразу вспомнит радостное, светлое, бьющее через край жизнелюбием стихотворение «Я пришёл к тебе с приветом...», хотя вторая строфа его посвящена именно лесу, и песня, вызревающая в финале, рождена его весенним пробуждением:

Рассказать, что лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полон жаждой;
<...>
Рассказать, что отовсюду
На меня весельем веет,
Что не знаю сам, что буду
Петь — но только песня зреет.

В образе леса здесь появляется ещё одна, доселе нами не замеченная составляющая — птица. Лес обретает голос. Это именно его голос, поскольку птица здесь — не существо, в нём живущее, а его часть: «каждой птицей встрепенулся» — образ, стоящий в том же ряду, что и «проснулся веткой каждой». Что же касается лирического героя, то он здесь снова ведом подсознанием или интуицией («не знаю сам, что буду петь»), а песня возникает из общего радостно-возбуждённого весеннего настроения и скоро проявится, как прояснится чувство в предыдущем стихотворении — «Жди!»

Таким образом, «лесное чувство» в поэзии Фета — замена шестому, невыраженная и непрояснённая эмоция на пороге её выражения. ●